

Разумеется, Фрост не был лжецом. Таков был ошеломляющий тезис Триллинга. Подлинный Фрост, значимый Фрост не был поэтом с демократичной, общедоступной стилистикой, утешителем тех, кого озлобила современная действительность, певцом старинных добродетелей, старинных сожалений, старинных чувствований - короче, не был тем Фростом, за которого позволял себя принимать. "Мои читатели делятся на четыре группы. Одна четверть любит меня по неверным мотивам, другая четверть любит меня по верным мотивам, еще одна четверть ненавидит меня, по неверным мотивам, и последняя четверть ненавидит меня по верным мотивам. Вот эта последняя четверть меня беспокоит". Своим выступлением Триллинг превратил эту четвертую часть читателей в сторонников Фроста, указав на преодоление пустоты и распада благодаря внутреннему самосознанию в таком замечательном стихотворении, как "Ни далеко, ни глубоко". Тогда все критики поняли, что Фрост был и остается абсолютно современным поэтом, чьи метафоры, персонажи и образы своей ироничностью, обособленностью и замкнутой на себя изолированностью, своей серьезностью, которая подчеркивает их сдержанный юмор и зачастую выраженную в них нежность, могут в определенном смысле умиротворять нас, но только после того, как вначале сразят наповал необычайной мощью. Его метафоры, как и метафоры поэтов XIX века, не нагружены символикой.

"Я не могу согласиться с теми, кто считает меня символистом, особенно таким, который занимается символизмом предумышленно, - сказал Фрост. - Символизм вполне способен закупорить стих и уничтожить его. Символизм может быть так же опасен, как эмболия. Если нужно как-то окрестить мою